Семь богов

Одну из наиболее характерных черт наших Священных Писаний является рассчитанная осторожность, применявшаяся в обнаружении тайн, менее непосредственно полезных спасению.

Де Мирвилль, "Пневматология Духов", т. 2

Есть своя особая внутренняя жизнь у Римско-католической церкви, которая никогда не выносится на всеобщее обозрение. В ней все вместе - от библиотек древней оккультной литературы, не доступных для простых смертных и даже для большинства священнослужителей, до дипломатических связей с королями, президентами, канцлерами, дуче и фюрерами - составляет один захватывающий исторический роман. В этой внутренней истории церкви, до сих пор не оцененной писателями, детективный сюжет неразрывно переплетен с мистикой и тайнами магии. < г Мальцев С. А., 2003 >

А где еще это может быть собрано в таком количестве и в таком напряженном ритме, как не в жизни могущественной, стройной, дисциплинированной организации, членам которой на исповедях доверяют тайны мировой политики министры, дипломаты и монархи, и которая с первых дней своего создания заявляла о своей мистической посреднической роли между Богом и людьми?

Интересно было бы попытаться понять, что составляет суть веры самой церковной иерархии - епископов, кардиналов и пап. Для этого перенесемся на несколько веков в прошлое, в те времена, когда вся Европа ежедневно и ежечасно, в мире и в войне, в благодетели и в преступлении возносила хвалу Творцу вселенной.

...Это началось в 1460 году, когда в Рим приехал Амадеус, великий святой и пророк, каким его считали в Ватикане. Этот дворянин из Португалии своими блаженными видениями уже заслужил такую благодарность церкви, что сам папа Сикст IV доверял ему основывать и строить новые монастыри.

Амадеус приехал в Рим для того, чтобы донести до святой римской иерархии великую весть, которую открыли ему небеса. Теперь весь христианский мир должен был измениться и вступить в еще более близкое общение с божеством. В последнем видении пророка к нему явились сами Семь ангелов, высших помощников Бога.

Микаэль («подобный Богу»), Габриэль («сила, мощь Бога»), Рафаэль («божественное достоинство»), Уриэль («Божий свет и огонь»), Скалтиэль («речь Бога»), Иегудиэль («слава Бога»), Барахиэль («блаженство Бога»). Так они зовутся в книгах церковных богослужений, такими именами силы этих Семи высших призываются в молитвах священнослужителей.

Ангелы явились Амадеусу для того, чтобы раскрыть другие свои мистические имена - подлинные. Оказалось, что их имена, используемые церковью, - всего лишь заменители настоящих имен и не дают людям той полноты общения с ними, какую они могли бы иметь, призывая их в молитвах более правильными сочетаниями звуков. И теперь семь помощников Бога не просто призывали, а требовали восстановить справедливость: во-первых, чтобы церковь законно признала их под их настоящими именами, во-вторых, чтобы им оказывали всеобщее публичное поклонение во всех католических храмах и в-третьих, чтобы для них был построен их собственный особый храм.

Ватикан, как ни странно, наотрез отказался выполнить условия ангелов. Хоть и была у Амадеуса и его видений безупречная репутация, хоть и призывались семь ангелов во время богослужений, папа Сикст IV не хотел и слышать об этих настоящих именах.

Видение Амадеуса, в котором к нему явилась Семерка, не было одиноким чудом. Оно было подкреплено другими. В тот момент, когда пророк разговаривал с ангелами, в Палермо на Сицилии из-под руин одной древней часовни было извлечено изображение Семи с теми же именами, настоящими, под которыми они требовали себе поклонения. Эти имена, как сообщает летописец церкви маркиз Евд де Мирвилль, были написаны «под портретом каждого ангела» [1] [1].

В тот же день в Пизе таким же образом было открыто древнее пророчество, написанное на очень старой латыни, предвещавшее возрождение культа Семи ангелов.

Все вместе эти события глубоко потрясли папу Сикста, когда он узнал о них, но тем не менее, он остался непоколебим и отказался удовлетворить их требования. < г Мальцев С. А., 2003 >

Среди церковной общественности эти чудеса быстро стали самой важной новостью. Кто-то с недоумением, а кто-то с негодованием размышлял про судьбу обиженных небесных иерархов. За них переживали, им сочувствовали, но ничего не могли предпринять против решения непогрешимого папы.

Требованиям семи невидимых покровителей церковь уступила только в следующем столетии. К тому времени в каждом храме, в каждой часовне уже имелись копии откопанного пророческого изображения в виде фрески или мозаики. В 1516 году в Палермо недалеко от той разрушенной часовни, под руинами которой оно было найдено, был построен «Храм семи духов», целиком и полностью посвященный главным героям этой истории. Все службы в этом храме проводились под их собственными именами и все молитвы в нем обращались только к ним.

Как будто справедливость восторжествовала, но, по словам летописца, «блаженные духи не были довольны одной лишь Сицилией и тайными молитвами. Они хотели всеобщего поклонения и того, чтобы их всенародно признал весь мир».

К Антонио Дука, назначенному священником в новый Храм семи духов, так же, как в свое время к Амадеусу, стали в видениях являться те же Семь ангелов. Они через пророка обращались к главам Ватикана и призывали признать, наконец, их настоящие имена и установить им регулярное всеобщее поклонение. Плюс к этому выдвигалось одно новое условие: построить для них еще один персональный храм - «Церковь семи ангелов» - в Риме. И не где-нибудь, а на том месте, где когда-то располагался роскошный комплекс бань Диоклетиана.

Это место давно приобрело репутацию дурного из-за того, что развалины бань превратились в место паломничества колдунов и вызывателей мертвецов. Все знали, что там они проводили свои традиционные собрания и ритуалы. Поэтому о том, чтобы на руинах терм возвести храм, не могло быть и речи.

В течение десятков лет ангелы через Антонио Дука и других церковных пророков настаивали на своем, но папы были непреклонны. Исключение для них попытался сделать папа Юлий III. В 1551 году он распорядился провести предварительное очищение и освящение развалин бань и построить на их месте церковь с именем «Св. Мария ангелов». Но это, опять же, был только компромисс. Ангелы не были полновластными хозяевами храма. Их недовольство выразилось в том, что они быстро довели не понравившееся им жилище до полного разорения и разрушения.

После всех этих компромиссов, бесплодных ожиданий, стольких потраченных усилий души, чтобы раз и навсегда вразумить непослушных почитателей, устроили им жестокое испытание. В 1553 году разразилась странная эпидемия наваждения и умопомрачения, «когда весь Рим был одержим дьяволом». Прекратить ее смогло только одно средство - в церковных службах во спасение от наваждения семь духов были призваны их собственными именами. Сразу же, сообщает летописец, «эпидемия прекратилась как по волшебству»;

«Тогда в Ватикан был вызван со всей поспешностью папой Павлом IV Микеланджело». Он разработал архитектурный план, и на месте старого, разоренного недовольными постояльцами, началось строительство нового грандиозного храма. Все время его возведения благодарные души превратили в одну цепочку следовавших друг за другом чудес и в одно «непрерывное чудо»;

И вот необходимый храм наконец-то появился. Верх его алтаря увенчивала копия старинного пророческого изображения с настоящими именами Семи. Папа Павел IV в присутствии всех кардиналов торжественно приказал, чтобы эти собственные имена отныне и навсегда обрели в церковных богослужениях свои законные права.

Папа Пий V благословил ритуал во славу семи духов на распространение в Испании, возвестив в соответствующей грамоте, «что нельзя перестараться в восхвалении этих семерых ректоров мира» [2] [2].

Казалось бы, все, никто и никогда не помешает небесным покровителям являться людям под их собственными именами, но проходит ровно сто лет и по распоряжению кардинала Альбиция все семь собственных имен духов исчезают со стен всех храмов и из ритуалов большинства церквей. И никто не пытается восстановить справедливость, вплоть до XIX века. В 1825 году некий испанский вельможа, поддержанный архиепископом Палермо,

обратился к папе Льву XII с призывом вернуть настоящим именам семи духов их былую славу. Папа тогда разрешил старые службы во имя этих духов, но употребление их собственных имен запретил.

В 1832 году вышла петиция, одобренная 87 епископами, с требованием о распространении культа «семи божественных духов». Подобные же требования церковнослужителей и общественности громко прозвучали в 1858 и в 1862 годах. В 1862 году в Италии, Испании и в Баварии были даже созданы целые общественные ассоциации для восстановления культа Семи во всей их полноте по всей Европе. В этих ассоциациях членами были и церковные деятели, и государственные чиновники, и коронованные особы. Все жаждали и требовали от Ватикана одного - всегда и повсеместно призывать небесных покровителей церкви их собственными именами. Но Ватикан упорно молчал...

Что за загадка стояла за этими «именами», какая тайна заставляла верховных иерархов Церкви так опасаться их всеобщего употребления? Ведь вся острота этого вопроса заключалась именно в именах и только в них.

И что за страсть к этим подлинным именам заставляла епископов и влиятельных именитых особ поднимать общественность на защиту ритуалов с их участием?

Можно задаться и еще одним вопросом - какие побуждения стоят за действиями этих потусторонних существ?

Если мы посмотрим с психологической точки зрения на действия этой настойчивой семерки, то какие побуждения увидим за ними?

Семь «ангелов» требуют всеобщего поклонения себе. Какое качество может скрываться за таким желанием?

Обычное тщеславие, честолюбие, следующее из самолюбия и эгоизма. Что еще кроме этого?

Есть ли тут что-то святое и божественное, ангельское? Или в описании той истории с Семью духами слово "ангелы" лучше было бы заключать в кавычки?

Семь "ангелов" принуждают людей к всеобщему поклонению им, запугивая эпидемией и показывая свою власть над ней. Сейчас мы называем это акцией устрашения.

"Ангелы" хотят, чтобы им поклонялись на том месте, где когда-то вельможи римские предавались всем удовольствиям жизни, и где потом в течение тысячи лет практиковали свои обряды некроманты, вызыватели теней из мира мертвых. Что за странное пристрастие к такому месту у "божественных помощников"?

И, наконец, "ангелы" хотят, чтобы те, кто их вызывают, отбросили заменители их подлинных имен и призывали их теми именами, обнародования которых так боялись верховные иерархи Ватикана. Что так пугало пап и кардиналов в этих именах?

Страх этот объясняет каббала, учение о сокровенных, невидимых силах природы. Каббала, находящаяся в руках европейских магов, представляет собой фрагменты каббалы еврейских священнослужителей, которые, в свою очередь заимствовали некоторые тайны магии у халдейских жрецов во время знаменитого "Вавилонского плена". Имена-заменители Семи духов были в халдейской магии словами, действительно прикрывавшими в целях тайны подлинные имена семи мощных оккультных сил природы.

Наше слово "цифра" происходит от халдейского "Сефира", "Сефирот", означающего одно из Высших Начал мироздания. Древо Сефиротов в халдейской каббале символизировало Иерархию Начал. Каждое из Начал имеет свою индивидуальную вибрацию-"имя", произнося которое можно вызывать к действию энергии этого Начала. Для лучей Иерархии, которые еще изображаются ветвями каббалистического Древа Сефиротов, обращенного кроной вниз - от вершин чистого абстрактного Разума в сторону материи, есть единые имена-вибрации, которые, будучи произнесенными, могут затронуть луч как в его высших аспектах, так и в низших. Все зависит от тончайшей разницы в произношении и в чистоте побуждения. Поэтому одни и те же "ангельские" имена могут вызывать как высшее, так и низшее, и служить, соответственно, как в целях теургии, белой магии, так и в целях черной - гоэтической - магии. Черный вариант вызывания всегда более легок и

вероятен. Это становится понятно, если задуматься над тем, насколько редки действительно чистые и возвышенные люди, в сердцах и помыслах которых нет ни тени эгоизма и корысти. < г Мальцев С. А., 2003 >

Подлинные имена семи "ангелов", заимствованные Авраамом и его последователями у черных магов Халдеи, были не просто магическими формулами, а опасно магическими формулами-заклинаниями. Это знает любой каббалист. Таковыми каббалистами были папы римские, сопротивлявшиеся открытому употреблению имен в церковных службах. Для них было важно, насколько это возможно, сохранять репутацию церкви как божественного учреждения хотя бы с чисто внешней стороны. Иначе было бы невозможно обосновывать религиозной необходимостью торговлю отпущением грехов, завоевание новых территорий в виде крестовых походов и массовые жертвоприношения в виде казней еретиков.

Об именах Семи Евд де Мирвилль пишет, что вопрос о них "вызвал противоречия, которые продолжались в течение столетий. До сего дня эти семь имен являются тайной";

Даже последние четыре имени из семи заменителей были настолько скомпрометированы употреблением в колдовской практике священнослужителей, что вплоть до XV века официально были прокляты церковью и не использовались. Потом, когда за века их запятнанное прошлое уже забылось, они опять были приняты на вооружение.

Нет никакой разницы, пишет де Мирвилль, между наукой о Началах языческих философов, магов, и церковным учением, которое в течение веков разрабатывали в тишине ватиканских покоев лучшие христианские теологи: "Идеи, прототипы, Разумы Пифагора, эоны, или эманации, ... Логос, или Слово, Глава этих Разумов, Демиург - зодчий мира, действующий по указанию своего отца, неведомого Бога, Эйн-Софа или То Бесконечного, ангельские периоды, семеро духов, Глуби Аримана, Ректоры Мира, Архонты воздуха, Бог этого мира, плерома разумов, вплоть до Метатрона, ангела евреев, - все это находится запечатленным слово в слово, как и столь многие истины, в трудах наших величайших докторов и Св. Павла"[3] [3]

Только, доказывает он, все, кто раньше христианских богословов возвестили эти истины, были "ворами и грабителями";, заранее подосланными в мир людей

Дьяволом.

До изобретательного маркиза де Мирвилля у Церкви не было возможности оправдаться в использовании языческих богов, ритуалов и заклинаний. Да и в более позднее время многие ли бы прочитали несколько томов его тщательных разоблачений козней Сатаны? Проще было уничтожить все, что могло говорить о существовании стройной науки о Высших Началах и вообще о наличии совершенного знания в прошлом.

Везде, где бы ни находимы были книги, трактаты, папирусы, таблички с иероглифами или символами, они объявлялись дьявольскими писаниями и сжигались. Знаки креста на древних стелах и обелисках уничтожались вместе со стелами и обелисками, библиотеки «язычников» разорялись и предавались огню.

Один только кардинал Ксимен, как пишет профессор Дрэпер в труде «Конфликт между наукой и религией», «Предал огню на площадях Гренады восемьдесят тысяч арабских рукописей; многие из них были переводами классических писателей». В Ватиканской библиотеке целые абзацы в наиболее древних и редких трактатах выскоблены, а вместо них вписаны церковные псалмы. Такие же поправки делались в трудах ранних отцов церкви, объяснявших истины христианства с помощью учения Платона.

Когда испанцы впервые прибыли в Америку, они с удивлением обнаружили, что уровень цивилизации ее народов тот же, что и в Европе. Но за алчными конкистадорами, не интересовавшимися ничем, кроме золота, следовали католические миссионеры, которые сжигали древнюю священную литературу этих народов, разрушали алтари, разбивали статуи и каменные астрономические календари.

Тихоокеанский остров Пасхи в трех тысячах километрах от берегов Южной Америки был открыт в 1722 году. Когда первые европейцы ступили на его землю, они решили, что попали в царство великанов. Повсюду на нем высились огромные статуи двадцатиметровой высоты и весом в 50 тонн. Но оказалось, что все население острова составляло двести человек - втрое меньше, чем на нем было самих статуй. Деревянные таблички, написанные на древнем языке их предков, рассказывали о прошлом огромного материка, опустившегося под воду и оставившего после себя только этот маленький островок. Они рассказывали о цивилизациях, обитавших некогда на том древнем материке.

Но, "так же, как в Африке и Южной Америке, первые миссионеры, высадившиеся на о. Пасхи, позаботились о том, чтобы исчезли все следы умершей цивилизации... Древние деревянные таблички, покрытые иероглифами ... сожгли, а малую часть отправили в библиотеку Ватикана, где и без того хранится немало тайн"[4] [4] .

Эти тайны, "менее непосредственно полезные спасению", составляют внутреннее учение, внутреннюю - эзотерическую - науку Церкви и не должны быть раскрываемы всем и каждому. Они сохраняются и охраняются только для ее избранных адептов и для особых нужд святого престола.

У Элифаса Леви есть описание магического обряда "высвобождения кладов", какие практиковались священнослужителями. В нем присутствуют все атрибуты некромантического вызывания духов - священные знаки, заклинания и кровь. < г Мальцев С. А., 2003 >

Священнослужитель-заклинатель перед выполнением такого ответственного ритуала одет в новый стихарь. С шеи его свисает освященная лента с начертанными на ней каббалистическими знаками, они должны заставить вызываемых духов повиноваться и не посягать на жизнь некроманта. На голове мага - высокий остроконечный колпак, на котором спереди буквами еврейских каббалистов написано священное "непроизносимое имя". Написано оно кровью белого голубя. Этой же кровью и еще кровью черной овцы он обрызгивает магический круг на полу, в который ровно в полночь вступает для исполнения ритуала.

Некромант заклинает злых духов ада, которые могут ему помешать, - Ахеронта, Магота, Асмодея, Вельзевула, Белиала. Против них применяются имена других космических сил - Иеговы, Адоная, Элоха и Саваофа. При этом маг объявляет, что все его собственные грехи "смыты кровью Христа". Потом происходит общение с духами, "которые обитают в местах, где лежат спрятанные сокровища..." Клады, открытые таким способом, "конечно, передавались Церкви".

Были еще более серьезные обряды общения с духами. Свидетельства о них в разное время находили в подземельях и под фундаментами монастырей. Это - черепа маленьких детей. Среди обвинений, которые выдвигал против католической церкви Мартин Лютер, основатель протестантизма, есть рассказ о том, как при осушении рыбоводного пруда около женского монастыря в Риме на дне его были обнаружены

более шести тысяч детских черепов. Они были всего лишь инструментами магии, выброшенными монахинями после их соответствующего употребления.

Может, нам не стоило окунаться так глубоко в эти подробности церковной эзотерической практики?

Но иначе как могли бы мы увидеть изнанку церковного благолепия?

Если не знать, что стояло за его внешним блеском, то тогда можно было бы списать зверства инквизиторов на их частную инициативу и думать, что они просто слишком усердствовали в исполнении указаний Ватикана. Можно было бы предполагать, что уничтоженные за полтора тысячелетия церковного христианства десять миллионов еретиков сами были в чем-то виноваты перед божеством и погрязли в грехах, от которых их спасала церковь, чистая и невинная как малое дитя.

Если не знать внутреннего учения церкви, которое есть в чистом виде каббалистическая наука вызывания духов, то непонятно, как могли народы Европы, наследовавшие таким стройным цивилизациям как Рим и Эллада, дойти под ее руководством до тьмы средневековья, когда из города в город носили как великие святыни пузырьки с потом архангела Михаила, с кровью Христа, пролитой им на кресте, кусочки пальца Святого Духа, носы серафимов, ногти херувимов. Эти предметы набожные монахи приобретали во время паломничества в Иерусалиме и несли в Европу, где с трепетом благоговения передавали друг другу и показывали верующим как доказательство великой истины церковной религии.

Все эти реликвии и разговоры про десять Заповедей предназначались для простых смертных, для толпы. Те, кто были сообразительнее, могли извлекать другую пользу из церковной теологии и копить в подвалах уединенных монастырей другие реликвии, более достоверные и более впечатляющие.

Были ли эти люди, облаченные в духовный сан и практиковавшие магию, просто наивными чудаками или безумцами с нездоровой фантазией, не осознававшими что творят?

Если бы это было так, и если бы обряды эти были бессмысленным суеверием, фокусничеством или причудами больного воображения, то разве практиковались бы они в течение многих веков и даже тысяч лет?

Если к ним обращались снова и снова, если переписывали со старинных книг рецепты этих ритуалов вызываний, то, наверное, получали от них какой-то результат. Иначе не создавали бы общественных ассоциаций в защиту подлинных каббалистических имен своих могущественных невидимых покровителей, требовавших себе все большего поклонения. < г Мальцев С. А., 2003 >

Именно в трудах «языческих» ученых можно найти объяснение тем событиям, связанным с «Семью ангелами».

Греческий теург-неоплатоник Порфирий (233-304 гг.), 36 томов сочинений которого были сожжены церковью, пишет:

«Эти невидимые существа принимают от людей почести как боги... общераспространенное верование приписывает им способность становиться злобными: это доказывает, что их гнев может вспыхнуть против тех, кто пренебрегает оказыванием им установленного поклонения...»

И еще он о тех же существах:

«Для них детская игра - возбудить в нас низкие страсти, сообщить обществам и нациям возмущающие учения, приводящие к войнам, мятежам и другим общественным бедствиям; и после этого они скажут, что «все это дело рук богов»... Эти духи проводят свое время в обманывании и надувательстве смертных, создавая вокруг них иллюзии и чудеса; их величайшее желание - чтобы их приняли за богов...» [5] [5]

Стоит задуматься над теми «ангелами» и «богом», которые руководили деятельностью Церкви. < г Мальцев С. А., 2003 >

Екатерине Медичи Ватикан был особо благодарен за Варфоломеевскую ночь - массовую резню протестантов католиками, совершенную в Париже в августе 1572 года. Тогда улицы столицы Франции были залиты кровью тысяч «еретиков». Буйство этого религиозного жертвоприношения началось в ночь на 25 августа и продолжалось неделю. Парижане настолько обезумели от своей священной миссии уничтожения слуг Дьявола, что их не могли остановить даже солдаты короля, когда власти решили, что сделанного достаточно.

Для награды своих особо отличившихся верноподданных монарших особ, таких как Екатерина Медичи, Изабелла Испанская, духовником которой был сам инквизитор Торквемада, Ватикан учредил специальный орден Беспорочной Розы - как символ ангельской невинности и особых заслуг перед Богом.

Продолжая мысль Порфирия о духах, можно процитировать уже Новый Завет («Первое Послание»; Иоанна, IV): «Не верьте каждому духу, но испытывайте духов, от Бога ли они...»

Апостол Павел еще более определенно высказывается по их поводу («Послание к Ефсеянам, VI, 12): «Наша брань не против плоти и крови, но против начальств, против сил, против правителей тьмы мира сего».

Апостол и теурги говорят: целый театр богов и религий разыгрывается невидимыми «начальствами» перед человеком для того, чтобы он поклонялся им и регулярно устраивал им жертвоприношения. И существа эти из-за их злобности, тщеславия, эгоизма называются апостолом правителями тьмы мира сего. Их цель - власть, а средство достижения цели - обман, навязывание себя людям в качестве Высших Начал.

Кем были те невидимые Семь покровителей церкви - чистыми и возвышенными духовными Существами, воплощениями высшей космической мудрости и света Разума, или «правителями тьмы мира сего»; - мы теперь предоставляем читателю решить самому.

Другой вариант, что все эти духи и ангелы, в которых верил весь древний мир, - всего

лишь игра воображения и галлюцинация, мы рассматривать не будем.

Для нас важна сама история и ее беспристрастное свидетельство. Кроме одного единственного двадцатого века, века наивного тщеславия молодой нарождавшейся науки, вся история - непрерывное повествование об этих невидимых духах и общении с ними людей, притом не просто деревенских знахарей, а лиц, творивших историю. И если считать, что она - одна сплошная и непрерывная галлюцинация, то не есть ли это просто невежественное слепое неверие всем, кто предшествовал нашему времени?